

18+

Мои университеты

Камиль Галимов

Камиль Галимов

Мои университеты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55850533

ISBN 9785449899859

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Жизнь наша настолько многообразна и затейлива, что задайся кто-нибудь целью придумать такое специально – не получится. Эта книга – сборник коротких рассказов, приключившихся с автором и его знакомыми – людьми и животными. Реальные истории, наполненные юмором и иронией, иногда опасностями и неожиданными поворотами событий.

Содержание

Гори, гори ясно	5
Сначала получи ремесло	8
ССО	13
Мы видели твоего Гиппократы...	20
Эх, прокачу, если надо полечу	25
Моё первое трехсуточное дежурство	32
Военка	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мои университеты

Камиль Галимов

© Камиль Галимов, 2020

ISBN 978-5-4498-9985-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гори, гори ясно

Серое январское утро 1974. Новогодние каникулы закончились. В школу надо было идти ко второму уроку. Страшно не хотелось вылезать из-под теплого одеяла и бежать по морозу на занятия. Глянув на окно в спальне у меня появилась надежда на продолжение каникул. Оконное стекло было сплошь покрыто причудливым ледяным узором. Этот факт свидетельствовал о том, что за окном ниже 20 градусов, а может и все 30, а значит пятиклашки, коим я был, могут оставаться дома. С надеждой прильнул к репродуктору. Услышанное моментально развеяло мои иллюзии и заставило одеваться:

– Температура воздуха -27°C , учащиеся с первого по четвертый класс могут не идти в школу.

Обречённо натянув на себя побольше теплых вещей я столкнулся на выходе со старшим братом, у которого в отличие от меня был первый урок по расписанию, но он почему-то вернулся.

– Ложись спать. Школа сгорела, – пробубнил он и сам отправился спать.

Дурацкая шутка, подумал я и отправился на учебу.

Школа находилась в километре от дома. Я, как обычно, побежал, чтоб не замерзнуть. Уже на полпути в морозном

воздухе появился какой-то до боли знакомый запах, и моё сердечко как-то радостно забилося в предчувствии... Выйдя на финишную прямую я в свинцовом небе увидел зарево. Нет, это не было открытое пламя, а скорее радостный полет ярких искр догорающего пламени.

Вокруг школы было какое-то оживление. Пожарники, учителя, директор с грустно-напуганными глазами и школьники суетились во дворе. Сама школа представляла унылое зрелище. Пятый и четвертый этаж, а вернее то, что от них осталось, выглядели так, будто в крышу нашей школы угодила авиабомба. Я такое видел в фильмах про Сталинград. Все верхние этажи были густо покрыты сажей и полностью прогорели. Оконных стекол и рам не было. Крыша здания отсутствовала полностью.

Мои одноклассники, взявшись в хороводе за руки, дружно распевали:

– Гори, гори ясно, чтобы не погасло...

Я не без удовольствия присоединился к ним.

Позже выяснилось, что в школе ночью произошло замыкание проводки аудиоаппаратуры, которую старшеклассники забыли выключить после репетиции.

В течение последующих двух месяцев мы принимали активное участие в ремонте школы, любимым занятием при

этом был моментально придуманный аттракцион – катание с пятого по первый этаж по обледенелым лестничным пролётам. Дело в том, что во время тушения пожара полопались радиаторы отопления, да и сама пена брандспойтов немало помогла выравниванию ступенек.

Так неожиданно зимние каникулы у нас продлились на целых два месяца, а мечта, которой грезило большинство учащихся всех времён и народов, неожиданным образом воплотилась у нас.

Сначала получи ремесло

Помню, незадолго до окончания общеобразовательной школы я с гордостью принёс своей маме рекомендательное письмо от заслуженного художника РФ и просто хорошего человека С. для поступления в Ленинградскую Художественную Академию. Мама внимательно прочла письмо и решительным движением отложила бумагу на край стола со словами:

– Это всё замечательно, но улым*, получи сначала образование и профессию, а потом рисуй и лепи, сколько тебе влезет.

Эти слова моей мамы, сказанные в нужное время в нужном месте, сыграли ключевую роль в моей жизни. Я поступил и успешно закончил мединститут и ни разу не жалел, что послушал её тогда...

Впечатление от мединститута, когда попадаешь в него сразу со школьной скамьи в неполные 17 лет можно наиболее ёмко выразить всего одним предложением: ощущение рыбы, попавшей в свою родную стихию... Лично я испытал невероятный эмоциональный и физический подъём от свидания с неизведанным морем или нет, океаном знаний...

Вкратце отмечу, что вступительные экзамены сдал на три пятёрки и четвёрку по сочинению. Как сейчас помню тему

того сочинения: «Если тебе комсомолец имя, имя крепи делами своими». Ну, раз название в рифму, значит, и сочинение надо писать стихами, решил я и написал. «Сваял» довольно быстро и стал потихоньку приглядываться по сторонам и знакомиться с аудиторией от нечего делать. Зал был устроен амфитеатром и располагался в 3-х этажном здании послевоенной постройки, которая называлась Биокорпусом. Прямо над нами я обнаружил тетку бальзаковского возраста, которая пристально озиралась по сторонам. Я решил, эта бабушка специально посажена наблюдать за абитуриентами, и толкнул соседа в локоть. Он беззастенчиво списывал. Я незаметно показал на неё. Он жутко испугался и был вынужден дальше писать сам. Когда мы поступили и увидели эту «бабушку» в параллельной группе – сильно смеялись. Моё сочинение видимо не сильно понравилось комиссии, но с другой стороны пятёрок никто не получил, а были в основном тройки и бананы, да и в купе я перебрал 2 балла выше проходного.

В списках у деканата лечфака своей группы к удивлению обнаружил себя первым в ряду с записью – староста группы. После знакомства с группой понял, что это была чудовищная ошибка. Больше половины группы 25-ти летние «ребята и девчата», умудренные жизненным опытом рабфаковцы, люди, прошедшие через горнила армейской службы и тут – я, столичный мальчишка, которому буквально на днях ис-

полнилось только 17 лет. Не удивительно, что с первых дней учебы я столкнулся с тем, что эти ребята попросту игнорировали меня, напрочь не воспринимая меня в качестве старосты группы. Помню, на лекции буквально в первый месяц учебы декан лечфака по прозвищу Болонка объявляет: «Все студенты мужского пола должны явиться после занятий в аудиторию Биокорпуса для „проверки голосов“, отбирать будут представители Башфилармонии. Стопроцентную явку обеспечить старостам группы». Как я только не убеждал и не уговаривал, удалось привести только одного одногруппника – ровесника Р. Мы каждый спели а капелла то, что нам подсунули филармонисты. Я обратил внимание, что напротив моей фамилии почему-то тут же появилась жирная «галка», а из всего потока (это более 300 чел., ребят конечно меньше половины) выбрали меня и ещё одного студента. Что тут началось... Во время каждой лекции староста курса стал объявлять мою фамилию с указанием незамедлительно явиться к назначенному часу в Филармонию. Поначалу я попросту игнорировал эти указания, но не тут то было. Тучи постепенно сгущались над моей головой. Вскоре узнаю, что меня вызывают на комсомольское собрание нашего курса. На повестке дня первым пунктом – исключение из рядов ВЛКСМ комсомольца Г. в связи с систематическим игнорированием решений руководства курса и деканата. Исключение из рядов ВЛКСМ в те времена означало автоматическое отчисление из института. Помню, на этом собрании, когда

дали мне слово для объяснения своего «антиобщественного» поведения, ничего лучше не нашел сказать, как то, что я поступил в мединститут не петь а капелла, а получать знания и специальность врача, а если бы хотел стать певцом, поступал бы в соответствующий ВУЗ. Это вызвало бурю негодования всех членов «благородного собрания» и ещё больше настроило секретаря ВЛКСМ против меня. Мне тогда дали трехдневный срок на обдумывание, и если я не изменю своего поведения, на следующем собрании меня исключат. Спасти мою судьбу могло только чудо. И оно произошло и как всегда в лице моей Мамы, моего ангела хранителя. Узнав о моей проблеме, она решительно посоветовала пойти на приём сразу к секретарю парторганизации института доценту А. и всё как есть рассказать. Добавила, что знает его, как очень хорошего и порядочного человека. Мама проработала более 50 лет в медицине, была заслуженным и уважаемым специалистом в мед. кругах и даже была отмечена орденом за добросовестный труд. А еще она была живым воплощением феномена «абсолютной грамотности», и ей даже для коррекции сам министр здравоохранения посылал правительственные письма, перед тем как отправлять в Москву. И я пошел и попал на приём. Доктор А. внимательно выслушал меня и сказал только одну фразу: «Иди и учись спокойно». И был только один звонок декану лечфака, как я узнал потом, и всё скатилось на тормозах до нашей комс. организации. А ведь всё могло закончиться и не так.

Вспоминается другой роковой случай, произошедший с нашим однокурсником студентом Александром Чистовым. Это был от природы невероятно одарённый и разносторонний молодой человек. Рослый, красивый парень. Уже на втором курсе у него были научные работы. Но у него был один «недостаток». Он «систематически игнорировал Колхозы и ССО». В результате его исключили в конце второго курса из ВЛКСМ и автоматом института. Он ушел в Советскую Армию, попал в Афганистан и при транспортировке бойца заразился гепатитом и скончался... Его маму хорошо знала моя мама и очень плакала, когда узнала о его гибели. Он был единственным сыном у матери... Даже в царские времена берегли единственных сыновей, а казаки, если и брали на службу единственного сына из семьи, помечали специальными цветными лентами отличия их и на передовую никогда не брали... Вот так систематически, целенаправленно и изощренно истреблялся наш генофонд...

(* Сынок)

ССО

Это произошло при первом «свидании» с ССО (студенческим строительным отрядом), так сказать, прелюдия всех последующих длительных отношений с обязательствами. Всего таких трудовых подвигов было пять, четыре в студенческие годы и один раз – будучи в аспирантуре в Москве (ездил в Сибирь строить избы плотником). А в самый первый раз Мы строили НЗАС – Нефтекамский Завод автосамосвалов. Мы были кровельщиками, как сейчас, сказали бы сертифицированными 2 – 3-го разряда, кажется. Даже удостоверение сохранилось, где-то валяется. Настоящее, действительное удостоверение. Надо будет повесить у себя в кабинете на работе в рамке. Пусть видят мои пациенты, с кем имеют дело... Вот я сейчас расскажу, то, во что сам уже почти не верю. А тем не менее это было. Представьте – стройплощадка размерами в добрый десяток футбольных полей. На ней высоченные фермы – скелет будущего завода, собранный из мощных металлических двутавровых балок. Крыша, вернее каркас под неё – рамы. Лестница наверх и мы, без страховок лазающие по этому зияющему «подобию крыши» со здоровенными перфораторами с кошачьей ловкостью – высверливающие отверстия под будущие окна крыши. Эту работу, совершенно лишённую всяких правил и основ ТБ (технике безопасности) можно было заставить делать толь-

ко таких болванов, как мы. Ответственного по ТБ стройки и всё, как сейчас бы сказали, коррумпированное руководство нашего ССО, следовало отдать под суд, что собственно и произошло по прошествии лет.

Но это уже другая история. Так мы батрачили с раннего утра и до позднего вечера с часовым перерывом на обед. Работать приходилось постоянно сидя на корточках, периодически вжимаясь в металлические опоры при каждом порыве ветра. За день так уставали, что приезжая в лагерь валились с ног замертво. Кормили нас традиционно, червивым супом... Мы были постоянно голодными, поскольку не были приучены к такой «пищи» и, пожалуй, не смогли бы протянуть и недели, когда бы ни предприимчивый однокурсник и наш товарищ и студент К. Каждый вечер К. возвращался в лагерь с щедрой «добычей» и говорил, что это доверчивые поселяне благодарят его за оказанные им услуги хавчиком и даже давали для голодной студенческой братвы. О, это были замечательные «кулацкие» разносолы, консервы, копчености и пр., сделанные с фантазией и любовью исключительно для себя. Это продолжалось некоторое время пока... пока не явилась в наш лагерь милиция и не устроила обыск в почивальне с пристрастным допросом каждого бойца:

– Кто из вас потрошил погреба в соседней деревне и забрал все продукты? Сознавайтесь! Отпирательство бесполезно! Следы ведут к вам!

Мы довольно быстро сообразили, о чём идёт речь. Ребята были неглупые, все хорошисты и отличники. В памяти сразу всплыли странные просьбы К. – «съесть все быстро и не оставлять за собой следов, в смысле мусора»... «Соратника» никто не сдал. Спасло и то, что мы тщательно выполняли его наставления, съедая, разумеется, буквально всё, а посуду-тару вылизывали так, что ни одна матёрая собака-ищейка не нашла бы даже по запаху экспроприированные у «кулацкого» населения яства. Сотрудники милиции ушли ни с чем. Помню, как после этого случая мы стали безнадежно голодать. Наш добытчик наглухо затаился. До конца трудовой повинности оставалось ещё больше двух недель. Мы методом замещения пытались, конечно, больше налегать на пищу духовную, ну раз так. У нас тогда на весь лагерь был один кассетный магнитофон, и мы ночи напролёт слушали и засыпали под песни Высоцкого и Джо Дассена. Других не было, да нам других и не надо было. По какому-то мистическому стечению обстоятельств оба они ушли буквально друг за другом – 25 июля и 20 августа и именно в это лето...

Духовная пища, безусловно, помогала, но не всем и не долго... У нас были «бойцы», которые и в «мирное» время не блистали упитанностью, а тут дошли до того, что еле передвигали свои кирзовые сапоги, утяжелённые спекшимся гудроном, при этом буквально буксируя их по асфальту, как «последние крепыши из Бухенвальда». Помню, видел такую

«умирающую походку» только по телевизору в видео хронике блокадного Ленинграда. А тут можно было смело снимать наших ребят в фильме о концентрационных лагерях без грима. В те непростые для выживания дни наш отряд стихийно разбился на мелкие «стаи». У нас, трёх студентов одной группы, сложился свой маленький, но дружный коллектив. Это были Марат А., Искандер Р. и я. Марат – интеллигент, настоящий потомственный врач в третьем поколении, его бабушка тоже врач, училась вместе с великим Б. Петровским на одном потоке, его мама, замечательный врач психиатр. Искандер тоже был из врачебной семьи. Мы старались поддерживать друг друга. С трудом дотягивая до выходных, мы мчались в город и покупали что-нибудь съестное. В один из таких выходных мы устроили себе долгожданный праздник живота. Скинулись втроём и купили огромный плоский кремовый торт (в Нефтекамске в то время была довольно хорошая кулинария) и огромный арбуз и пошли на набережную Камы. Был воскресный день. Конец августа. В этих широтах в это время не слишком жарко, а то лето было особенно прохладным. Но нам всё было нипочём. Мы благополучно на троих расправились с... тортом и арбузом, а вы о чем подумали? (спиртного из нас никто не употреблял в том нежном возрасте) и пошли купаться в Каме. Вода была ледяная, течение сильное, а примерно на середине реки я вдруг почувствовал, что у меня полностью свело обе ноги, причём в бедре. Мышцы сгибатели судорожно сократились так, что

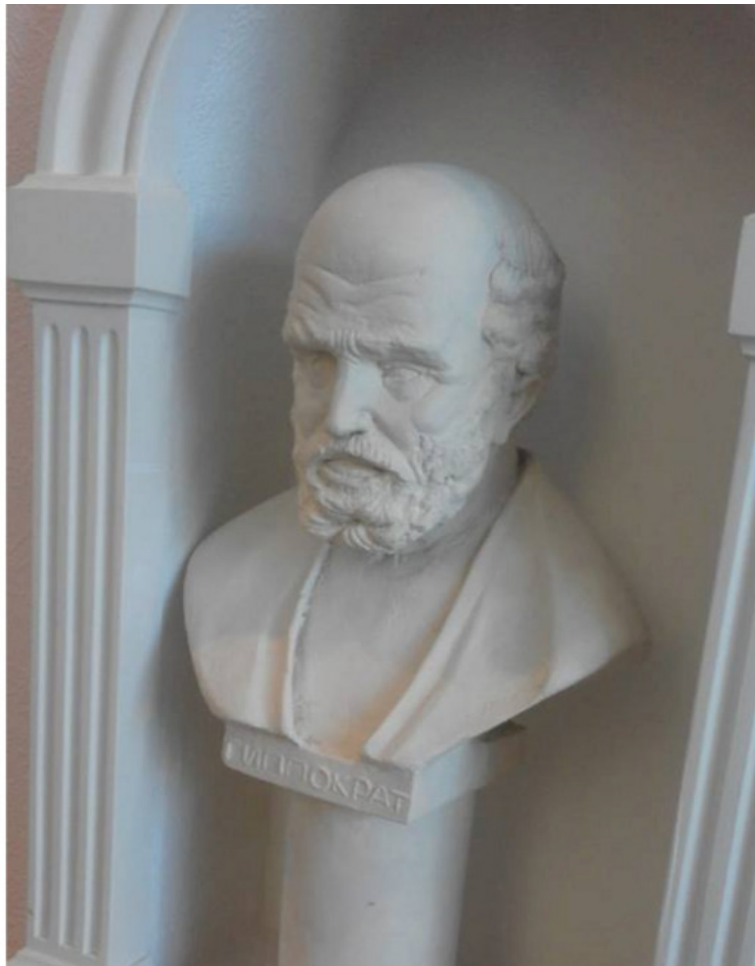
свои пятки я буквально почувствовал задницей, и... попросту стал молча тонуть... Нет, нет, у меня не было паники, я не кричал, не звал на помощь, просто все оставшиеся силы целиком отдавал спасению самого себя и безнадежно уходил под воду, глотая мутную камскую воду. Первым заметил неладное мой друг Марат А. и немедленно подплыл ко мне и стал по всем правилам пытаться перевернуть меня на спину, а когда он понял, что у него ничего не выходит (перевернуть в воде скрюченное тело с приведенными ногами оказалось невыполнимым), я увидел на лице моего всегда невозмутимого друга, обладающего от природы устойчивой нервной системой, крепким и достаточно атлетическим двухметровым телом, весь ужас и отчаяние моего положения. Он закричал таким неузнаваемо сдавленным и, как мне показалось, даже женским голосом. Это был не крик, это был стон отчаяния: «Помогите, человек тонет!» – стараясь как можно громче, простонал он. Надо сказать, что ни до, ни после этого я никогда больше не видел своего друга в таком состоянии. Тут стоит заметить, что спустя годы, Марат так описал весь драматизм этого момента: «Что я скажу твоей маме? Будем тонуть вместе! Ой, а что будет с моей мамой? (он в отличие от меня был единственным ребенком в семье). Такое горе! Будем бороться». Такая мотивация была у моего единственного друга в тот трагический момент. Люди на берегу подумали – мы попросту балуемся. Никто с берега не шевельнулся в нашу сторону, и только Искандер (третий из на-

шей компании), который был в воде у берега. Он всё понял и поплыл к нам. А Марат схватил меня за плечо и стал отчаянно буксировать к берегу одной рукой. Добуксировав почти до берега, они стали делать это уже вдвоём. Дотянув таким образом до отмели и встав наконец на твёрдое дно, они отпустили меня, и я тут же пошел опять ко дну. Вынеся меня на берег и увидев причину, по которой я тонул, у друзей-спасителей случился приступ истерического смеха... Искандер сквозь слёзы смеха говорил: «Плыву, а про себя думаю, я и сам-то плавать толком не умею, щас как потонем все трое». А Марат, замечательный Маратик, как я стал с тех пор звать его, всё пытался узнать у меня, почему я не проронил ни звука и вёл себя так спокойно. А я ему, тоже сквозь смех и слезы отвечал, что просто не было на это сил, а потом, когда говорить? Я либо глотал отчаянно воду, либо пытался сделать вдох... К нам то и дело подходили девушки ССО-шницы, пытаясь понять, что нас так разобрало. Они так и не поняли, что произошло. После всего этого меня несколько дней пучило камской тиной и уже совсем не хотелось есть... Всю жизнь наших мам, мы, не сговариваясь с Маратиком, молчали об этом, как «пингвины на льдине».

С тех пор минуло уже более 40 лет. Мы стали солидными людьми. Каждый нашёл себя и дело по душе. У нас появились семьи и свои дети. Было много тяжёлых и радостных событий. Но с годами отчётливее начинаешь сознавать,

какой поступок совершили эти два скромных и настоящих Человека. Каждый раз, вспоминая это с Маратом, мы снова и снова становимся мальчишками. Наша дружба с ним только окрепла с годами, и хоть мы живём «за тремя морями», как минимум раз в неделю созваниваемся и подолгу разговариваем и часто смеёмся, вспоминая прошлое...

Мы видели твоего Гиппократа...

Бюст Гиппократата

Оборотная сторона бюста, дата завершения лепки

Эх, молодость, молодость. Золотая пора, а самые золотые годы этой молодости, конечно студенчество. О сколько было чудных событий, сколько встреч с замечательными людьми, докторами, учителями. Вспоминаю 2-й курс. Сидим на практическом занятии по ОЗ (организации здравоохранения). Ведёт «Минх Мочетковский» (был преподавателем в БГМИ с таким «позывным», кто-то, может быть, помнит). Так вот, он в самом начале цикла вдруг бросает «клич», что, дескать, бывают «талантливые» студенты, и у вас должны быть. Свой «клич», пояснил следующим, что, дескать, на кафедре ОЗ и СГ (социальная гигиена) возникла острая потребность в портретах великих врачей прошлого: Гиппократата, Пирогова, Мечникова и др. Мол, не мог бы кто-нибудь сделать «портретитссские» копии их. Мой друг, М., с кото-

рым я всегда сидел за партой, возьми и ляпни: «А что там портреты, вот мой друг может вам скульптуру „святая“ любого в полный рост!» Я от его неожиданных слов я даже перестал заниматься своим привычным делом – рисованием на уроке. Преподаватель, заметно оживившись от сказанного, спросил, что нужно мне для создания бюста, ну скажем Гиппократа? Я, вмиг сообразив, что просто так от него не отделаться, ставлю, как мне казалось неразрешимую для него задачу: «Два мешка стоматологического гипса и портрет Гиппократа в хорошем качестве» – выпалил я, не моргнув глазом. К слову сказать – в то время стомат. гипс был дефицитом, а каждый мешок весил по 50 кг, если не изменяет память.

– Говорите адрес, куда привезти...

Вечером того же дня два здоровенных мешка «красовались» в коридоре нашей хрущёвки, совершенно блокируя всяческое движение в квартире. Мне был дан двухнедельный «творческий отпуск» для ваяния с освобождением от занятий по ОЗ. Можете представить, во что превратились «апартаменты» в результате творческого процесса... Меловые тропинки были от прихожей до ванной комнаты и далее по всей квартире. Тут необходимо отметить, что из гипса не лепят, им льют, а поскольку требовался бюст практически 1:1 по отношению к человеческому росту, такого количества пластичного материала для создания бюста и последу-

ющего отлития гипсовой формы у меня не было, пришлось изобретать. Недолго думая, я взял 2-х литровую банку от сока, засунул её в большую банку от тушенки, скрепив лейкопластырем, стал пытаться лепить. Три дня напролёт я промучился только с созданием болванки бюста, порой доходя до отчаяния, то и дело, впадая в творческий кризис. Но мы не привыкли отступать. К концу третьего дня у меня стало вырисовываться очертание формы головы и постамента. Кто сталкивался с гипсом, конечно, знает, что при смешивании с водой, последний быстро переходит в твердую кристаллическую форму с образованием кристаллогидрата гипса. Поэтому, лепить из него невозможно, и я пошел по другому пути. Отлив массивную болванку, я стал попросту отсекал ненужное, ровно так, если бы пришлось работать с деревом или камнем. В общем, аккурат к концу второй недели, «свая» Гиппократы, я вдруг обнаружил, что бюст практически неподъёмный! Еще бы, на это «творение» аккурат и ушло около 100 кг чистейшего дорогого стоматологического материала, ну, конечно с учётом полов и напрочь забитого стояка... Да, сзади не забыл приделать отлитый из того же материала табличку с фамилией и инициалами мастера-изготовителя.

Все творческие муки окупились с лихвой. Я получил не только обещанный автомат экзамена по ОЗ, но и по соц. гигиене даже с освобождением от курсовой работы. Вооб-

ще «автоматов» за время учебы у меня было около пяти-шести, включая военку и гинекологию. Но это уже другая история. А вот про этого Гиппократ в последствии слышал не раз от студентов, которые шли за нами. «Минх Мочетковский» каждый раз носил его на лекции по ОЗ, ну не сам конечно, а с помощью, как правило, двух крепких студентов и носилок. Помню даже, как звонил мне восторженно мой двоюродный брат, когда я уже был в аспирантуре в Москве (сейчас он уже стал министром, но теперь почему-то совсем не звонит и не отвечает на звонки) и радостно голосил в трубку:

– Мы видели твоего Гиппократ, его приносили на носилках к нам на лекцию, а я всем говорил, что его мой брат вылепил!..

ПС. История была бы неполной без последнего. Так вот, спустя почти сорок лет мой друг и однокашник Марат Адгамов, тот самый, который «сдал» тогда меня, прислал мне вот это фото, с вопросом: «Это твоё?!» Я не поверил своим глазам! Мой Гиппократ! Оказывается, доктор М. Адгамов с иностранной делегацией врачей на днях посетил музей истории медицины в нашем университете и сфотографировал бюст. Вот такой подарок получил я в день Святого Великомученика и покровителя воинов и врачей Святого Пантелеймона, спустя почти сорок лет.

Эх, прокачу, если надо полечу

Жизнь наша настолько многообразна и затейлива, что задайся кто-нибудь целью придумать такое специально – не получится. И вот живой пример из прожитого.

После третьего курса всё лето проработал в ССО врачом в составе студентов-проводников на КЖД (Куйбышевской Железной Дороге). Да, да, были и такие студотряды. Те, кто уже «разменял свой первый золотой», должно быть, помнят это. О, это была «элитная группировка» в составе ССО. Туда попадали либо круглые отличники, либо оочень «блатные» (думаю, понимаете, о чём я). И пришлось мне в то лето исколесить, пожалуй, добрую половину всей нашей необъятной Родины. Ездил я тогда, как говорили, «кругами»: Уфа-Москва-Уфа-Ташкент-Уфа-Адлер-УФА-Волгоград и др., всех городов и не вспомнишь, практически не сходя на землю, разве, что только для пересадки в другой поезд дальнего следования. Так что концу лета мне стало казаться, что у меня развилась «поездная болезнь» как у известного персонажа Ильфа и Петрова, или что-то типа того. (zB*: «опытный проводник поезда не может дома попасть струёй в спокойно стоящий унитаз»).

В круг моих обязанностей на КЖД (не путать с квжд) вхо-

дило одновременно нести вахту проводника и быть кругло-суточным врачом в поездах дальнего следования. С какой гордостью, помню, тогда я носил свою «боевую» выдавшие виды куртку ССО с медицинским шевроном и множеством значков в среде студентов и не только. Справедливости ради, надо сказать, что из шести студенческих лет пять раз был в ССО, а шестой – уже будучи в аспирантуре. Куртка та производила должное впечатление и на девушек. Проводниками, вернее проводницами были практически 100% студентки МФТИ. Можно представить во что я «вляпался», как кур во щи. Что только там не было... В общем, про наш состав ходили разные слухи, но в целом за ним с чьей-то легкой руки закрепилось название – передвижной гарем, а всё что там происходило – «сценами ревности» в последнем. Причём с моей стороны не было никаких авансов и предпочтений дамам вышеназванного вуза. В то время я был попросту ещё не целованным юношей. Нет, нет, я не был «ботаником». Развивался достаточно гармонично (велоспорт, лепка, рисование, множество кружков по специальности, участие в студ. олимпиадах и пр.). Просто в то время я смотрел на противоположный пол, как смотрит добропорядочный посетитель худ. музея: молча любовался, но руками не трогал. Словом, тяжело мне пришлось не от неожиданно свалившихся на меня серьёзных обязанностей, а от излишнего внимания противоположного пола к моей скромной персоне. Так я впервые столкнулся с тем, что с виду приличные девушки могут

даже подражаться, что называется в хлам, не поделив молодого человека, так, что однажды мне даже пришлось просидеть всю ночь на крыше подвижного состава в ожидании, пока все успокоятся. А когда спустился, протрезвевшие девушки с удивлением спрашивали, с кем я был, если все проводницы были на местах...

Извините, продолжу о работе в подвижном составе. Приходилось оказывать разную мед. помощь, что называется на ходу: всевозможные ПХО (чаще, раздавленные вагонными дверьми детские фаланги пальчиков), инфузионную терапию по поводу пищевых отравлений, как среди пассажиров, так и студ. состава и пр., а однажды даже пришлось... принимать роды.

Об этом чуть подробнее. Вторая ночь в составе поезда следующего по маршруту УФА – ТАШКЕНТ выдалась беспокойной. Мы уже проехали Эмбу, Тюратам, встали на каком-то богом забытом полустанке в совершенно дикой и пустынной степи. Вдруг, по внутреннему радио объявляют: «Врачу, срочно явиться во второй вагон со всем необходимым для приёма родов!» Во как. Сам слышу, а мозг отказывается принимать. Такое вот кратковременное охранно-разлитое торможение, переходящее в ступор. В чувство быстро привел вдруг как с неба свалившийся и запыхавшийся первый помощник бригадира со словами: «Доктор,

срочно на выход!» Что было делать? Пошел сдаваться. Благо на такой случай была заранее приготовлена большая аптечка в здоровенной сумке с ляжкой и красным крестом. А чтоб было быстрее и гигиеничнее, я побежал по насыпи вдоль всего состава. Хорошо, что состав стоял в это время. Почему гигиеничнее? Потому, что идя через вагоны того времени в тамбурах приходилось открывать и закрывать руками большое количество дверей, а поскольку мой вагон был вторым с хвоста состава к концу пути руки становились абсолютно чёрными от пыли... Пока бежал по насыпи, вся моя студенческая жизнь промелькнула, как один миг в голове. Почему-то вдруг предательски вспомнился автомат по акушерству и гинекологии, который я получил по причине вынужденного отсутствия на цикле, потому что находился на олимпиаде в Саратове по хирургии. Наша команда впервые тогда принесла нашему ВУЗу призовое место по хирургии и всем участникам оно было присвоены автоматы. Вот где отольются мои вынужденные прогулы в такой архинеобходимой специальности – такими мыслями предательски лихорадило мозг...

Влетаю. Прошу растерянного проводника 2-го вагона срочно открыть служебный туалет. Кто постарше, возможно помнит, что один туалет, как правило, который был ближе к служебке проводника в поездах дальнего следования, закрывался на замок и использовался исключительно персоналом, а поскольку в ташкентском поезде это было самое чи-

стое место, решил роды принимать там. Поспел я как раз вовремя. Расположив даму на крышке унитаза, покрытой более-менее чистой пеленкой, к ужасу обнаружил появившуюся головку плода в родовых путях... Роды были столь стремительны, что я едва успел поймать ребёнка в простынку, подставленную с проворством опытного футбольного вратаря. По правде сказать, как очистил дыхательные пути новорожденному, и как раздались его первые призывные «Уа, уа, уа» – не помню. На автопилоте перевязал пуповину, пересёк, обработал культю. Послед отошёл самостоятельно. Многочисленные родственники дамы радостно приняли мамашу и ребёнка обратно в лоно своего плацкартного «купе». Только после всего этого узнал, как мне сказочно повезло. Роженица, узбекская женщина крепкого телосложения – повторнородящая, а на самом деле рожала в третий раз. Поэтому и родила самостоятельно и без осложнений. В свой вагон возвращался традиционно по насыпи с гордо поднятой головой. По пути, уж простите за подробности, решил освободить переполненный МП, а чтобы никто не увидел, ничего лучше не придумал, как отойти в сторонку от путей. Не успев толком сделать свои дела, к ужасу услышал шум отходящего поезда... Бегу и вижу (надо отметить – бегать я любил, и удавалось по молодости лет это не плохо), что все вагонные двери закрыты! Вот уже и последний вагон! Увидев спасительное открытое окно в последнем вагоне, буквально на последнем дыхании судорожно цепляюсь за поруч-

ни вагонной двери последнего вагона. Каким-то чудом закинул драгоценную аптечку в зияющую брешь окна – оно было рядом с тамбуром, и тут же услышал удивленные вопли попеременно с отборной обценной лексикой из чрева вагона. Лихорадочно цепляюсь за створ открытого окна, и что вы думаете? Нос к носу сталкиваюсь в проёме окна с крайне напуганным и удивлённым мужиком, который к тому же пытается меня вытолкнуть обратно в объятия среднеазиатской пустынной ночи... Мои слова о том, что я, дескать, врач этого поезда и пассажиры нуждаются в моей помощи, а я, мол, только что принял роды, как то видимо подействовали на него, и он быстро помог мне попасть внутрь, втянув меня буквально за шиворот. Оказавшись в чреве состава и увидев моего спасителя со спущенными штанами, я понял, что попал в вагонный клозет. Немая сцена была нарушена громким и истерическим смехом в два голоса...

Женщину с новорожденным ребёнком благополучно пересадили на ближайшей станции в ожидавшую её скорую помощь. Мы без приключений доехали до Ташкента, где я впервые побывал на восточном базаре. Какой это был базар! Не базар – выставка-музей всевозможных яств и фруктов. Мы от жадности и голодухи набирали ведрами, мешками очень дешевых и свежайших слив, абрикосов, персиков, нектарин и пр., а главное дыни! Ташкентские дыни так похожие на авиабомбы. На обратном пути все проводницы му-

чились животами от обилия съеденных фруктов и им было уже далеко не до меня, а я бегал к ним из вагона в вагон для оказания мед. помощи и уже исключительно только внутри состава, даже если доподлинно знал, что поезд будет стоять часами...

(*например)

Моё первое трехсуточное дежурство

После 4-го курса в году 1983 оформился я медбратом в отделение экстренной нейрохирургии на все лето, где заодно стал проходить сестринскую практику. Сказать, что работы было много, ничего не сказать. В нашем регионе это была единственная в то время экстренная круглосуточная больница. Везли тогда больных из всех самых отдаленных уголков нашей доблестной 4-ды орденоносной республики. Поэтому процесс обучения шел быстро и эффективно, схватывали на ходу. Дежурства были настолько насыщены событиями, многообразием травм и операций, что сливались в сознании в какое-то одно яркое событие, а дежурства плавно переходили одно в другое по причине отсутствия смены. Нас, студентов, особо тогда не спрашивали, хотим мы, или нет остаться на следующие сутки.

Особенно запомнилось одно дежурство, которое было уже под конец практики, где-то в августе месяце. Отдежуривав положенные сутки, узнаю, что сменщик не вышел на работу. Что делать? Остаюсь еще на сутки. Больных везли одного за другим: самые различные колото-резаные травмы тела и головы, черепно-мозговые травмы и пр. И вот, когда все операционные и доктора были уже заняты, привозят пья-

ную женщину без определенного возраста и места жительства с торчащим кухонным ножом в височной области и с активным кровотечением из височной артерии. Мало того, что дама была пьяна и постоянно ругалась матом, так она ловко бегала по приемнику, брызгаясь биологической жидкостью красного цвета совершенно не давая возможности оказать ей первую помощь. И когда мы уже были на грани отчаяния нас спас зав. отделением. Пробегая из одной операционной в другую и моментально оценив ситуацию, он сделал следующее, со словами: «Учись, студент!» высунул язык, стал призывно дразнить делирийную деву, от чего последняя впала в меланхолию и поторопилась ответить тем же. А в этот момент, доктор ловким, отработанным годами движением схватил её за язык бельевой цапкой и быстро пристегнул к его верхней губе... Мне показалось, дама испытала сильное чувство, что-то среднее между шоком и кульминацией эмоциональных переживаний, возникающих в результате спонтанного спаривания приматов. Она как-то застыла в вынужденном положении с широко расставленными руками и ногами с блаженно-отрешенным выражением, с позволения сказать, лица. Воспользовавшись этим, мы скрутили даму и по-быстрому, пока дама не пришла в себя, сделали ей ПХО (первичную хирургическую обработку) с перевязкой поврежденной ветви височной артерии и наложением швов. Только закончили, привозят мужчину средних лет с вколочено-дырчатым переломом в затылочной обла-

сти. Со слов больного, его ударили молотком возле подъезда неизвестные, как ему показалось, недоброжелательно настроенные к нему люди. Бегу к заведующему в операционную, докладываю обстановку. А доктор мне и говорит – бери и делай, ты сможешь, все хирурги заняты на операциях. Так я попал на первую в своей жизни самостоятельную операцию. Операционной сестрой была однокурсница-фаворитка всех отвязанных парней нашего курса, санитаром – одноклассник, обремененный комсомольской работой. Благо анестезиолог оказался штатным, а не какой-нибудь блатной двоечник с нашего курса. Сделал все, как учили и, выбрав мелкие осколки костной ткани, воском затампонировал зияющие внутрикостные вены и привычными движениями ушил кожную рану. Правильно говорят, новичкам и дуракам везёт. На присутствующих, по-видимому, это произвело неизгладимое впечатление. Они были уверены, что я делаю подобную операцию не первый раз. Я не стал разубеждать их. Поскольку это была уже вторая бессонная ночь, мне позволено было немного поспать. Я лег в пустой палате, растянувшись на одном матрасе и укрывшись другим. Быть может кто-то помнит, были раньше такие больничные полосатые аксессуары, на них как на фильтровальной бумаге была отмечена хроматография всех предыдущих пациентов такими разнокалиберными пятнами со всеми невероятными оттенками жёлтого. Говорят, их и сейчас можно встретить в наших больничных заведениях. Но мне было тогда не до эсте-

тики и трудно поверить, даже сейчас с благодарностью вспоминаю их, в прямом смысле, как сладкий сон. Вот только поспать в этот раз мне долго не довелось. Проснулся я, а на мне та же студентка-однокурсница! Находясь под впечатлением от удачно выполненной операции, она, вероятно, решила излить на меня свои возвышенные чувства и даже успела уже стянуть с меня штаны... Еще мгновение и она поглотила бы меня в свое страстное лоно. Я не был готов к такому исходу. Откуда уж взялись у меня силы, но я сумел выскочить из-под неё, как пробка от шампанского, как мыло между пальцев. Бегу, на ходу натягивая штаны, и слышу смачную девичью брань за своей спиной. Что хотела?? ... Разве так строятся любовные отношения, подумал тогда я. Да, вот таким был наивным.

По истечении 2-х суток мне на смену опять никто не пришел... Уколы, клизмы, капельницы, катетеризации мочевого пузыря спинальным больным делал на автопилоте. Хорошо хоть операций больше не было. Так закончилось мое насыщенное 3-х суточное дежурство. К концу 3-го дня испытал самые настоящие галлюцинации с бредом преследования и довольно красочными переживаниями. Когда шел домой жарким солнечным днем через больничный сквер узнал, как выглядят черти, которые почему-то очень хотели поджарить меня на ходу. Дома проспал беспробудно больше суток.

Военка

Итак, военка! Уверен, каждый может вспомнить массу интересных случаев, связанных с изучением этой крайне важной для врача дисциплины. Действительно, куда без неё врачу. Касаясь этой живой темы, порой жалею, что Салтыков-Щедрин или Зошенко не сталкивались с этим сказочно богатым на сатирические сюжеты предметом в своей жизни. Отечественная литература в результате этого потеряла, наверное, много...

Мы, студенты лечфака конца 70-х гг. – в большинстве своём – не воевавшие дети/внуки воевавших родителей тайно надеялись, что нам в жизни не пригодится воинское ремесло, наверное, потому, что каждой клеткой на генетическом уровне ещё очень живо хранили память о той ужасной войне. Первое практическое занятие. Преподаватель – полковник Ч. как бы невзначай роняет на первом практическом занятии, что, мол, вот у нас на кафедре нет так необходимого стенда-схемы развёртывания ПМП, поэтому придётся давать материал, что называется на пальцах. Отдельно придётся остановиться на его пальцах, вернее руках. Какие это были руки... Не руки – мечта художника или анатома. Когда он давал материал по устройству ПМ, мы силились разглядеть этот пистолет в его ручищах. У нашего преподавателя

была акромегалия, поэтому за крупностью ладоней последний попросту терялся в урочищах его кистей... Представьте, полковник Ч.: «Вот пистолет Макарова». – и показывает его нам, полностью заслоняя последний ладонью с добрый чайник. Мы: «Где, где?» Ну, в общем, этого «Макарыча» так никто и не видел в нашей группе. Догадавшись, что тема по разворачиванию ПМП (полкового медицинского пункта) пройдёт также безнадёжно, а экзамен по такому сложному предмету за нас Пушкин сдавать не будет, я решил пойти *va banque*. К тому же почувствовал, что настало время реванша. Поднимаю руку и говорю: «Вот мой товарищ Марат А. – „профессиональный радиолюбитель“ с лёгкостью соберёт вам любую электронную схему для стенда, а я, уж так и быть, возьму на себя всю художественную часть». «ЛадЫ», – сказал тов. полковник и добавил: «С меня автомат по дифзачёту». Затылком своим почувствовал тогда испепеляющие-завистливые взгляды моих рабфаковцев... Этого зачёта боялись все студенты, пожалуй, не меньше самого экзамена по ВП со всеми её преподавателями. Сказано – сделано. Мы вдвоём с другом все практические занятия в той же аудитории на задних сдвинутых партах прямо во время учебного процесса ваяли электронный стенд развёртывания ПМП и ещё несколько других наглядных пособий для кафедры ВП (от заказов со стороны этой кафедры отбоя не было). Причем, мало того, то вышло неплохо с точки зрения худ. эстетики, оно ещё и всё сверкало, как цвето-

музыка и даже стреляло...

В общем, на офицерско-преподавательский состав кафедры наше совместное с Маратом творчество произвело настолько благоприятное впечатление, что мы получили автоматом все дифы, а заодно и экзамен по ВП. Нет, нет, от сборов никто не откосил. Это святое. Помню, меня даже сам начальник кафедры повез тогда на офицерские сборы на своей машине прямо из больницы, куда я попал по скорой (докатался на «шоссере» в весеннюю сессию с дачи в мединститут и обратно по 40 км в каждый конец на одном подножном корме и загремел с клиникой какого-то дурацкого гепатита).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.